неуспешности в социально значимых сферах, в том числе образовательной. Интенсивные тревожные состояния деструктивно влияют на процесс школьной адаптации, что ведет к снижению успеваемости и уровня самооценки ребенка, повышает его фрустрированность, создает предпосылки для формирования девиантного поведения и т.д. (А.А. Абашкина, 2013; Н.П. Кондратьева, 2002; С.Н. Троценко, 2012; О.В. Фролова, 2001; А.А. Яковлева, 2015; и др.). Целью нашего исследования стало изучение специфики тревожности детей школьного возраста с задержкой психического развития. В качестве испытуемых выступили учащиеся вторых, третьих и шестых, седьмых классов МАОУ СОШ № 118 г. Перми, разделенные на две равные выборки. Для обследования младших школьников были применены методики диагностики уровня школьной тревожности Б.Н. Филлипса и Р. Тэммла, В. Амена, М. Дорки. Для подростков, соответственно, также тест Филлипса и шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина. Тестовый материал и диагностическая процедура были адаптированы к возрастным и психологическим особенностям испытуемых. Получены следующие данные. У младших школьников в большей степени, чем у подростков (по тесту тревожности Филлипса), выражены показатели общей школьной тревожности, страха не соответствовать ожиданиям окружающих и страха ситуации проверки знаний. Можно предположить, что тревожность учащихся начальных классов в значительной степени детерминирована негативными эффектами включения их в школьную жизнь, приоритетной ориентацией на мнение значимых взрослых в оценке их знаний, достижений, возможностей, поступков, мыслей и т.д. В числе причин обозначенных деструкций – незавершенность процесса формирования представления о школе, особенностях учебной деятельности, иерархических компонентах взаимоотношений со сверстниками и др. Также младшие школьники зависят от мнения окружающих, но к концу рассматриваемой образовательной ступени эта зависимость в норме должна уменьшиться. Результаты диагностики по проективному тесту Р. Тэммла, В. Амена, М. Дорки дополняют полученную картину – учащиеся начальных классов с ЗПР имеют высокий уровень тревожности (индекс тревожности более 50%). Соответственно, у подростков с задержкой психического развития, в большей степени, чем у младших школьников (по Филлипсу), выражены показатели фрустрации потребности в достижении успеха, переживания социального стресса и низкой физиологической сопротивляемости стрессу. Очевидно, на данном этапе онтогенеза дети оказываются в ситуации психологической депривации, что препятствует их самореализации в плане достижения высоких учебных результатов, вносит диссонанс в развитие социальных контактов (прежде всего – со сверстниками), нагнетает стрессовое состояние. Деструктивная личностная тенденция во многом детерминирована низкой физиологической сопротивляемостью стрессу, что снижает адаптивность подростков к ситуациям стрессогенного характера, повышающим вероятность неадекватного, асоциального реагирования на тревожные факторы среды. Также следует учитывать другие психофизиологические особенности возраста, проблемы личностной нестабильности и т.п. Результаты обследования подростков по методике Спилбергера-Ханина позволяют утверждать, что у испытуемых в значительной степени выражены показатели реактивной тревожности, которая характеризует состояние человека в настоящий момент времени, проявляется напряжением, беспокойством, может вызывать нарушение внимания, снижение работоспособности, повышенную утомляемость и быструю истощаемость.

Сформированный нами диагностический комплекс и полученные на его основе эмпирические данные могут быть применены в процессе психологического сопровождения и коррекции проблем детей с задержкой психического развития.

Филологические науки

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ДИСКУРСА НЕПОЛНОЦЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Пташкин А.С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Томск, e-mail: pt.alexandr@gmail.com

Дискурс определяется автором как определенное единство, характеризующееся семантической когезией. Автор поддерживает идею некоторых исследователей о том, что дискурс отличается от текста и речи наличием понятия сознания. Рассматриваются отдельные параметры дискурса неполноценности в рамках медицинского дискурса. Медицинский дискурс определяет характер темы, подтемы, методов в данной сфере. Лексический уровень дискурса неполноценности в английском языке представлен медицинскими и общегуманитарными терминами. Частотность употребления лексики из общенаучной или медицинской сфер в рамках дискурса неполноценности зависит от типа представленной

информации и от авторского выбора материала исследования. Следует отметить, что на лексическом уровне данные из научных статей, научно-популярных статей, монографий, словарей, электронных корпусов английского языка отличаются стилистически и тематически. Автором рассматриваются глаголы, обозначающие ментальные и физиологические процессы, в рамках научно-популярной статьи.

В отличие от текста или речи дискурс включает понятие сознания <...> дискурс – это не только связная последовательность предложений, противопоставляемая изолированному предложению, но и определенное семантическое единство, обладающее семантической связностью. Последняя, в свою очередь, проявляет связность информационную, т. е. знания о мире, о ситуации, социальные и культурологические знания и прочие виды знаний» [3]. Не каждый текст может рассматриваться как дискурс [1]. Понятие текста можно использовать в качестве синонима для дискурса, если данный текст является его письменным представлением [1].

Дискурс неполноценности в английском языке

Определим на основе рассматриваемых примеров общие характеристики дискурса неполноценности в медицине в английском языке [2]. В качестве эмпирической базы анализа рассматриваются статьи, журналы, главы монографий, словари, а также данные электронных корпусов английского языка (COCA, BNC, Intellitext). Жанровой спецификой полученных данных являются научная статья, научно-популярная статья, монография, электронная база. Сведения в этой сфере формируются в специализированный медицинский дискурс. Медицинский дискурс как более общая единица чем дискурс неполноценности определяет характер коммуникативных подходов, тему, подтему и методы в данной сфере [4].

Результаты исследования и их обсуждение

Ключевой характеристикой дискурса неполноценности как частной разновидности медицинского дискурса следует признать его специализированную лексику.

Лексический уровень дискурса неполноценности в *медицине* включает в себя: – термины, характерные как для области медицины: *ache, anomaly, anxiety, condition, defect*, так и для общегуманитарного знания: *trouble, personality, intellect, worry, evil*, function, etc.; – узкоспециализированные термины: People with ***Parkinson's disease, epilepsy, Alzheimer's disease, motor neuron disease, multiple sclerosis, stroke*** and other less well known illnesses such as ***inherited degenerative disease Friedreich's ataxia*** will be able to use the centre [5].

Частотность употребления слов из медицинской области и общенаучной зависит от типа представляемой информации (статья, монография, энциклопедия, словарь, научно-популярная периодика, интервью и др.), а также от выбора автором соответствующей лексики. Например, в последующих примерах рассматриваются фрагменты статей из медицинской энциклопедии «Gale Encyclopedia of Mental Disorders» [6]. Обращают на себя внимание такие выражения как *the costs of abuse to society run into billions of dollars; elder abuse has also become a subject of national concern in the last two decades и др., в* которых автор дает собственную оценку явления «насилие» наряду с медицинской трактовкой отклонения. Авторы вышеупомянутой энциклопедии придерживаются лексики, знаний, накопленным в рамках собственной научной практики. Например, слово *violence и* его *дериваты,* частотность которого в статье автора Rebecca J. Frey «Abuse» составила 0,0017 % (частотность слов в общем документе составила 0, 0324 %) [6] от числа слов в энциклопедии, не представлена в работе автора Barbara S. Sternberg «Addiction» [6]. Такие примарные слова как *risk, diagnosis, symptom, disorder,* присутствуют в статьях с процентным соотношением 0,1127 %, 0,1335 %, 0,4342 %, 1,6941 %. Выражения *next*, как вводная фраза в предложении, *another option, in fact, statistics indicates, in addition to, as already noted, according to findings of, etc*. способствуют в дискурсе неполноценности линейному смысловому развитию. Например: ***In fact***, emotional abuse is a stronger predictor than physical abuse of the likelihood of suicide attempts in later life [6]; ***Statistics from the mid-1990s indicate*** that although child abuse is found at all levels of income and educational achievement in the United States [6].

Следует отметить, что на лексическом уровне статьи из журналов, словарей, главы монографий, отличаются стилистически и тематически. Например, глаголы в рамках научно-популярной статьи, посвященной жизни и смерти, представлены активно единицами, описывающими физиологические и когнитивные процессы: *revive, leave an impact, transplant, get worse, vomit, lose consciousness, create severe pressure in a skull, to lower heartbeat and metabolism*. Например, she began to ***lose consciousness*** in the emergency room, and doctors put a tube down her throat ***to keep oxygen flowing to her fetus*** [7].

Заключение

Таким образом, анализ некоторых характеристик дискурса неполноценности показывает, что статьи англоязычных авторов научных статей часто безличны. Для англоязычного дискурса неполноценности характерно наличие терминов, входящих в поле специализированной и общегуманитарной лексик. Дискурс неполноценности рассматривается как неотъемлемый компонент медицинского дискурса.

Список литературы

1. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 288 с.
2. Пташкин А.С. Средства выражения сегмента «Расстройства мышления» биологического компонента категории девиации в английском языке // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9 (9). – С. 2106-2110.
3. Темнова Е.В. Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация. – 2004. – Вып. 26. – С. 24-32.
4. Хутыз И.П. Академический дискурс: культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 176 с.
5. BNC. K3L: Liverpool Daily Post and Echo. Applied Science Material [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://corpus.byu.edu/bnc/x.asp?r1=&w=1093&h=614 (дата обращения: 18.04.2016).
6. Gale Encyclopedia of Mental Disorders: Volume 1 A-L / ed. by E. Thackery, M. Harris. – New York: The Gale Group Inc., 2003. – 1173 p.
7. Henig R.M. The Crossing // National Geographic. – 2016. – №.4 (229). – P. 31-69.

Философские науки

РЕФЛЕКСИЯ КАК СПОСОБ ОСОЗНАНИЯ САМОГО СЕБЯ

Петинова М.А., Частикова О.И.

Самарский государственный технический университет, Самара, e-mail: shloss@yandex.ru

Проблема обнаружения человеком себя как мыслящего существа, осознание себя разумной сущностью настолько естественна для любого, что вопрошание об этом ни у кого не вызывает сегодня вопросов и не рождает иных мнений, более того, этот вопрос как-то не замечается обыденным сознанием. Но, в рамках философского дискурса, позволим себе провести несколько позиций, которые покажут, что простой вопрос при первом рассмотрении, не так уж и прост на самом деле.

Знание о мире, о себе в этом мире в своем генезисе выступает не столько информативно, как «установка сверху: я человек разумный», сколько как опыт переживания и понимания. То есть всегда в самом начале своего развития человек заново проходит процедуру декартовского cogito ergo sum, посредством которой, отбросив мир, человек остается один на один с самим собой. Такое онтологически базовое полагание достоверной истины через себя самого устанавливает человека в центр мира и формирует доверие к разуму. Именно с этой позиции (локальности) идет полагание смыслов и формулирование значений. Мир раскрывается человеку и он утверждает его бытие через себя самого, свое отношение к нему.

Как часто мы задумываемся о том, что человек, открытый миру, наделенный рефлексией может видеть мир не в привычных стереотипах, готовых схемах, а так как «будто мир творится заново»? Почему мы так редко выпадаем из зоны комфортного знакомого, проверенного знания и сопротивляется неопределенностям? Можно ли мы присвоить себе истины, открытые прежде до нас, сделать их своими? Полагаем любой вопрос по силе человеку, наделенному желанием «дойти до самой сути». И в этой связи могут быть обозначена не только *монологическая* Декарто-Кантовская позиция. Но, к примеру, *диалогическая позиция*, расположенная в другой системе мысли, в которой проявляются различия, а непохожесть и уникальность создает архитектуру смысловой среды. В рамках диалогического мышления рефлексивный путь проходит через со-бытие, узнавание, отрицание и утверждение присутствия.

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ: ОТ ОБЛАДАНИЯ К БЫТИЮ

Петинова М.А., Коннов Р.И.

Самарский государственный технический университет, Самара, e-mail: shloss@yandex.ru

Философия различия между «иметь» или «быть» ярко представлена в смысловом пространстве современной культуры как дискуссия об обществе потребления, влиянии технического прогресса на жизнь человека. Мир в постиндустриальную эпоху, множащийся в каналах коммуникации, изменяет систему восприятия под влиянием медиа. Сегодня техническая культура – это машинизация жизненного пространства, необыкновенные возможности для человека, с одной стороны, омассовление общества, с другой. Техническая культура нашего времени – это своего рода тотальность, единый мир медиальной трансляции, природу которого образуют системы, связи, сети культурно-технических коммуникаций. Овладение основными «узлами» взаимосвязей, включение человека посредством деятельности в технико-информационное пространство современного общества – фундаментальная потребность субъекта общественных отношений. От обладания вещами, человек переходит к символическому обмену и потреблению (Ж. Бордрийяр). Главным ресурсом становится информация, которая изменяет картину мира: пространство сжимается, а время ускоряется (Э. Гидденс), а вместе с ним возрастает и темп жизни (Э. Тоффлер).

Изменения социокультурной среды, затрагивают систему ценностных представлений. Стратегии отсроченного вознаграждения, жизни в расчет на будущее сменяются установкой на «здесь и сейчас» как воплощение возможности